

В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание)

А.И. Ракитов

Часто объективность считается главным критерием научности, однако это далеко не так. Субъективность же часто отождествляется с субъективизмом. Крайняя форма субъективизма — солипсизм — совершенно неприемлема, однако во всех видах социальной реальности, социальной действительности, социального познания присутствуют элементы субъективности. Под субъективностью понимается свойство человеческой ментальности вообще, а под субъективизмом — характеристика определённых философских взглядов и направлений. Рассматривается понятие полиструктурных систем, одной из таких систем является общество. Различаются формы познания: обыденное, профессиональное, научное и философское. Во всех этих формах есть элементы субъективности. Наука рассматривается в двух ракурсах: как система готовых знаний и как система исследовательской деятельности. В последнем ракурсе прослеживается присутствие субъективности. Показано, что субъективность присутствует как в естественнонаучных, так и в социальных, в частности, в исторических исследованиях. Утверждается, что исследование субъективности не отвергает значение объективности научных знаний, но представляет собой важную проблему эпистемологии и философии науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объективность, субъективизм и субъективность, полиструктурные системы, социальная реальность.

РАКИТОВ Анатолий Ильич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

rakit1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12 января 2018 г.

Цитирование: *Ракитов А.И.* В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание) // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 20–26.

Нет в профессиональном лексиконе философов выражения более уничижительного и оскорбительного, чем обвинение в субъективизме и субъективности при рассмотрении каких-либо проблем, особенно проблем философских, касающихся, в первую очередь, исследований сущности науки и научного, профессионального и обыденного познания. Вот что, например, категорически утверждает петербургский профессор Л.В. Шиповалова: «Объективность как независимость от субъекта вводится в эпистемологии в качестве критерия научности, поскольку ученый, по крайней мере с начала XIX века, занимаясь научной работой, стремится стереть всякое присутствие субъективности в визуальных изображениях или концептуальных описаниях объекта, в теоретических объяснениях или экспериментальных подтверждениях» [Шиповалова 2015, 13].

Объективность — вот главный критерий научности, фундаментальный признак научного познания. В духе преклонения перед объективностью в большинстве современных университетов воспитывается студенческая молодежь. В обязательных университетских курсах по философии субъективность и субъективизм познания и деятельности предаются анафеме, а принципиально важное различие между двумя этими по-

нениями, как правило, игнорируется. А, между тем, субъективизм — это характеристика определённых философских взглядов и направлений, тогда как субъективность — свойство человеческой ментальности вообще. Она, по моему убеждению, не может быть изгнана из самой социальной реальности, не может быть удалена из социально значимой деятельности. При этом следует подчеркнуть, что философский субъективизм вовсе не исключает рациональность. К слову сказать, основоположник нововременного философского рационализма Р. Декарт был в то же время создателем нововременного субъективизма. В своей крайней форме, в форме берклианского солипсизма, субъективизм, разумеется, неприемлем.

Замечу, кстати, что с критерием абсолютной, бескомпромиссной объективности как отличительной чертой науки, тоже не все просто. В самом деле, один из авторов вполне нормального учебного пособия утверждает: «Частные науки обращены к явлениям и процессам реальности, существующим объективно, вне человека, независимо ни от человека, ни от человечества» [Лешкевич 2011, 35]. Подобных взглядов придерживается большинство университетских преподавателей философии, а также авторов научных монографий и статей по философии науки и теории познания, а между тем такие важные в теоретическом и практическом планах «частные науки», как психология, психиатрия, психоанализ, когнитология, нейрофизиология, педагогика и другие имеют преимущественно дело с человеческой субъективностью, которая, естественно, зависит и от человека, и от человечества в целом.

С человеческой субъективностью имеет дело, кстати, и большинство традиционных философских учений, возможно, именно поэтому некоторые философы сами считают, что философия не наука и иногда лишь высказывают, подобно Гегелю, слабую надежду, что философия когда-нибудь сможет уподобиться науке. Гегель по этому поводу писал: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система её. Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой, она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием» [Гегель 2007, 10]. И как бы возражая Гегелю, спустя почти сто лет Гуссерль утверждал: «Я не говорю, что философия — несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука...» [Гуссерль 2000, 669].

Считаю полезным провести некоторую предварительную, достаточно примитивную, но, в общем, полезную рубрику человеческих знаний. Их можно поделить на 3 больших кластера: 1) обыденные, повседневные, бытовые знания; 2) профессиональные знания (к которым, кстати, можно отнести профессиональную философию); 3) научные знания. Последние представляют собой ту разновидность профессиональных знаний, которые в силу их исключительной значимости для развития современных цивилизаций и культур целесообразно выделить в особую рубрику.

Обыденные знания доступны в общем и целом подавляющему большинству жителей планеты, здоровых психически и достигших определённого возраста. Они необходимы для выполнения определённых семейных обязанностей, для совершения элементарных актов гигиены, для передвижения в современных транспортных средствах, в интересах общения и проведения досуга. Обыденные знания вырабатываются, так сказать, «стихийно» в определённых пространственных и временных интервалах.

Профессиональные знания вырабатываются или используются представителями той или иной профессии, т.е. совокупностью лиц, которые выполняют ту или иную специализированную деятельность. Так, поварскими знаниями обладают повара в организациях общественного питания. Особыми профессиональными знаниями обладают водители такси или так называемые дальнобойщики, портновскими знаниями владеют закройщики предприятий индивидуального пошива одежды.

Наконец, научные знания, которыми на самом деле располагают только профессиональные ученые и в определённом объеме лица, получившие высшее образование, выделяются в особый кластер в силу их исключительной значимости для современных развитых и быстроразвивающихся обществ. Я постараюсь ниже показать, что даже в наиболее рафинированных научных знаниях и в научной деятельности в целом, так же

как в обыденных и практически во всех профессиональных знаниях, присутствует более или менее значительный элемент субъективности.

Для того чтобы последнее утверждение было достаточно прозрачным и полезным, я считаю нужным ввести понятие полиструктурной системы и показать, что современные общества (впрочем, не только современные) и все виды социальной деятельности являются полиструктурными системами. Я не претендую на логическую строгость моих пояснений, так как они играют вспомогательную роль и нужны лишь для лучшего понимания моих дальнейших рассуждений. Совокупность некоторых явлений, событий и (или) процессов является системой, если связь между ними сильнее, устойчивее, чем их связи с событиями, явлениями и процессами, не входящими в данную совокупность. Два явления, события или процесса, например, событие (процесс, явление) А и Б связаны, если какие-либо подающиеся фиксации изменения в А приводят к достаточно определённым изменениям в Б. Вместе с тем, если изменения в Б обратно влияют на соответствующие изменения в А, то между событиями (процессами, явлениями) А и Б есть двусторонняя связь или взаимозависимость.

Если мы абстрагируемся от качественных и количественных характеристик событий, явлений и процессов, входящих в систему S, и рассматриваем лишь совокупность существующих между ними связей и отношений, то последнее называется структурой. В достаточно больших и сложных системах может существовать множество структур, поэтому такие системы называются полиструктурными. Внутри достаточно больших систем S могут существовать отдельные подсистемы или относительно устойчивые совокупности, охватывающие лишь часть событий, явлений и процессов, и каждая из таких подсистем может взаимодействовать с другими подсистемами большой интегральной системы S. Это, если хотите, некоторая «матрешка», когда внутри самой большой деревянной куколки находятся другие, выдолбленные изнутри складные матрешки, уменьшающиеся каждый раз по своим размерам.

Полиструктурные системы могут находиться в трех режимах. Они способны быть развивающимися, функционирующими и стабильными. При режиме развития в системе S и в её подсистемах разного порядка могут появляться новые свойства, новые элементы, но в определённых временных и пространственных интервалах основные качественные характеристики интегральной системы S сохраняются. В этом смысле S в данных временных и пространственных интервалах сохраняет более или менее полную самоидентичность. За пределами данных интервалов развитие может привести к разрушению системы и возникновению новой интегральной системы, с новыми подсистемами, новыми связями и отношениями, с новыми входящими в них событиями, явлениями и процессами (иллюстрацией могут служить буржуазные революции в Англии XVII в., Франции XVIII в., или социалистическая революция в России XX в.).

В режиме функционирования изменения, происходящие в структурах интегральной системы, носят циклический характер. Примером функционирующей системы могут служить обычные наручные часы. Наконец, в режиме стабильного существования интегральной системы в целом, ее подсистемы, объединяемые жесткими связями и отношениями в значительных временных и пространственных интервалах, остаются неизменными и полностью сохраняют свою качественную самоидентичность. Примером могут служить египетские пирамиды. При этом следует специально подчеркнуть, что три указанных режима бытия полиструктурных систем отнюдь не всегда исключают друг друга. Так современные общества, допустим российское, китайское или американское, являются в рамках последних трех-четырёх десятилетий стабильными системами, одновременно они представляют собой функционирующие системы, а если посмотреть на их экономический базис, то можно с уверенностью сказать, что в нем наблюдается определённое научно-технологическое развитие. Теперь следует несколько подробнее обсудить феномен субъективности в современной социальной реальности.

Термин «социальная реальность» я употребляю как синоним понятия «общество». При этом следует отдавать себе отчёт в том, что само понятие «общество» очень многозначно. Можно говорить о современном обществе, об античном обществе, о китайском обществе, о

каком-то более или менее определённом обществе с ограниченной ответственностью, обществе рыболовов и т.д. На самом деле я буду иметь в виду современное, например российское общество, о котором и автор, и читатели этой статьи осведомлены лучше всего. Оно представляет собой гигантскую полиструктурную систему. Так, политическую структуру общества определяет подсистема органов власти. К ней, если двигаться сверху вниз, относятся: Администрация Президента РФ, Правительство РФ, Совет Федерации, Государственная дума России, система министерств, региональные органы власти, местные органы власти. А также входящие в состав всех этих органов департаменты, отделы, комитеты, комиссии, советы и другие финансируемые за счёт бюджета структурные единицы. Если присмотреться к тому, как они устроены, как они функционируют, то нетрудно заметить, что во всей этой гигантской системе властных структур в латентной или явной форме присутствуют и действуют механизмы субъективности. При назначении на ту или иную должность наряду с такими объективными показателями, как возраст, образование, опыт предыдущей работы кандидата, на утверждение в качестве исполнителя на данный пост значительную роль играют его субъективные способности контактировать с вышестоящими чиновниками, умение приспосабливаться к ситуации, умение угадывать желание вышестоящих и оценивать качества подчинённых. Эти свойства явно субъективные по своей природе, ибо все они зависят от данного человека, свойств его характера и личного жизненного опыта.

Посмотрим теперь на современную российскую социальную реальность с точки зрения её экономического бытия. Это, прежде всего, рыночная экономика, реализуемая через систему коммерческих организаций разной формы, выбор одной из этих форм в качестве реально действующей системы или, если угодно, подсистемы экономики в целом зависит от трёх факторов: ресурсов, которыми располагают учредители; наличной рыночной ситуации и субъективных предпочтений учредителей (или учредителя, если он является единственным владельцем фирмы, компании и т.п.). Успех бизнеса в значительной степени есть следствие правильно принимаемых решений, а они в определенной мере зависят от субъективных свойств менеджеров. Следовательно, анализ эффективной экономической деятельности и эффективности соответствующих организационных структур предполагает доскональное изучение механизмов формирования не только объективных условий, но и ряд субъективных факторов.

То же самое можно сказать и о системе образования. Сейчас принято говорить, что мы живём в обществе образования. Этот термин часто употребляется как синоним понятий «информационное общество, общество знаний, супериндустриальное общество» и т.п. Но многозначность термина не меняет дело. Сейчас совершенно ясно, что на всех уровнях социального и экономического функционирования и развития общества его реальный успех зависит от количества высокообразованных специалистов и качества полученного ими образования. Естественно, что последнее, в свою очередь, детерминировано не только объёмом и качеством зачисляемых в головы учащимся информации и знаний, но и от их субъективных качеств, таких как способность усваивать, перерабатывать и использовать учебный материал, применять его в практической деятельности. И опять мы видим, что и здесь немаловажную роль играет субъективный фактор. Поэтому и теоретические исследования, и практическая организация образовательных учреждений и образовательных процессов в целом, должны в полной мере считаться с фактором субъективности.

Анализ полиструктурных систем на уровне социальной реальности в целом показывает, что даже мельчайшие и далее неразложимые элементы, такие как отдельно взятый индивид или небольшая группа индивидов, могут быть включены одновременно в несколько структур. Так, например, некий условный Иван Иванович Иванов может быть отцом семейства. В этом случае он включён в структуру семейных отношений. Он может быть владельцем дачи, и тогда он включён в структуру дачно-строительного товарищества. Он может быть болельщиком определённой футбольной команды, и в этом случае он включён в структуру отношений и связей футбольных фанатов. Наконец, он может занимать определённую должность в какой-нибудь коммерческой фирме, т.е. включён в сложную структуру должностных отношений и т.д. И в каждом отдельно взятом случае его деятельность определяется не только и не столько объективным положением дел, сколько его субъективными способностями адаптироваться к реальной деловой ситуации, правильно реагировать на происходящие изменения и вызовы,

способностью добиваться намеченных целей и т.д. И все эти способности, навыки и умения есть проявления субъективных свойств данного индивида.

Сейчас уместно задать собственно философский вопрос. Что же собой представляет субъективность как таковая? В общем виде наиболее распространённый ответ гласит, что субъективность — это, если угодно, почти эквивалент понятия сознания. В сентябре 2015 г. в Санкт-Петербурге состоялась научная конференция «Онтология субъективности: я, личности, организмы». Доклады и обсуждения на этой конференции концентрировались в основном вокруг двух вопросов. Первый: «Как вырабатываются индивидуальное сознание и индивидуальная субъективность?» Второй: «Каким образом и каким органом вырабатывается коллективное сознание?» Существует ли коллективная субъективность, создаваемая этим сознанием? В процессе обсуждения указанных вопросов, особенно первого, было показано, что человеческая деятельность, как правило, состоит из нескольких основных этапов: формулирования, понимания или усвоения задач, проблем, целей и результатов некоей деятельности, выполняемой ради достижения этих целей и решения задач.

На протяжении XX и XXI вв. было поставлено множество научных экспериментов с использованием современного оборудования, такого как энцефалографы и компьютерные томографы. Эти эксперименты выяснили, что в процессе выработки и принятия решений, необходимых для осуществления деятельности по решению осознанных задач или формулировке целей существует определённая эмпирически фиксируемая зависимость между возбуждением биотоков в определённых участках мозга и сознательным формулированием решения. Оказалось, что последнее по времени отстаёт от биоэлектрического эффекта в соответствующих участках мозга на срок от 0,5 с. до 7 с. Таким образом, онтология субъективности получила своего адресата, коим оказались соответствующие участки мозга. Однако к пониманию того, какова эпистемологическая, бытийная сущность сознания и, стало быть, субъективности на этот счёт участники конференции к однозначному решению не пришли.

Что касается второго вопроса, то здесь всё оказалось ещё сложнее. Дело в том, что если можно с большой определённой уверенностью утверждать, что за выработку индивидуального человеческого сознания, за выработку субъективности, т.е. «Я» человека, отвечает индивидуальный мозг, то ответить однозначно на вопрос, какой орган вырабатывает коллективное сознание, мы не можем, так как такого органа, как «коллективный мозг» не существует. Поэтому, как я думаю, вопрос из области нейрофизиологических и психологических исследований переходит в область исследования функций символических языковых систем в деятельности человека, ибо именно с помощью языка и создаваемых на его основе устных и письменных текстов достигается взаимопонимание между людьми и выработка коллективных согласованных решений или действий. Но если так, то мы сталкиваемся с достаточно малоизученным, по крайней мере в нашей философской традиции, феноменом коллективной субъективности. И это важная проблема не только для отечественной, но и вообще для всей современной философии. Впрочем, я думаю, что это проблема не только и не столько философская, сколько важнейшая проблема для всего комплекса социальных и гуманитарных наук, а также для теории искусственного интеллекта и для всех исследований и экспериментальных работ в области робототехники.

Теперь несколько соображений о структуре науки. Любая наука состоит, во-первых, из системы достаточно определённых завершённых, «готовых» знаний и, во-вторых, из деятельности по изготовлению знаний, удовлетворяющих точно сформулированным критериям научности. Эта деятельность представляет собой научные исследования.

Научные знания включают в себя четыре основные компоненты: 1) законы науки, гипотезы науки, подсистема проверенных и точно установленных эмпирических знаний; 2) совокупность проблем, задач и познавательных целей; 3) метод, т.е. описание правил научной деятельности, ориентированной на формулирование законов и гипотез и точно установленных эмпирических фактов; 4) система непосредственных экспериментально установленных данных, статистическое обобщение которых приводит к формулировке научных фактов.

Естественно при этом, что законы науки, ее высшие принципы относятся к объективной реальности. Однако здесь не все так просто. Рассмотрим два примера из области естествознания и математики. Первый из них касается физики, которую считают эталоном

объективного знания, не зависящим ни от человечества, ни от человека. Обратимся в качестве иллюстрации к знаменитому принципу неопределённости В. Гейзенберга, смысл его заключается в утверждении, что нельзя одновременно с придельной точностью измерить координаты и импульс элементарной частицы. Чтобы избежать этого затруднения Н. Бор предложил принцип дополнительности. В середине XX в. принципу неопределённости и сами физики, и специалисты по философии науки и эпистемологии уделяли много времени и внимания. Хотя принцип дополнительности Бора как будто бы устранил эпистемологические трудности, бесспорным остается то, что измерения либо координаты, либо импульса частицы, хотя и дают в каждом случае вполне объективные данные, но выбор того, какой именно вид измерения в каждом данном случае осуществляется, зависит от экспериментатора, т.е. от субъекта деятельности. Мы должны четко понимать, что выбор того, какой именно эксперимент поставлен, несет на себе печать субъективности.

Другая иллюстрация касается математики, одним из ее фундаментальных понятий является понятие множеств, причём выделяется два их вида, классические или канторовские множества и нечеткие множества Заде. При этом то, какие множества используются для решения той или иной задачи, зависят от ее формулировки, а эту формулировку изобретает, придумывает субъект математического исследования – математик.

Дополнительно к сказанному напомним, что в формализованной аксиоматической логике критерием для принятия соответствующей аксиоматики служат принципы непротиворечивости, полноты (в узком и широком смысле) и разрешимости. Причем сама эта логика и критерии для принятия соответствующей аксиоматики не имеют коррелятов в объективной действительности, «не зависящих ни от человека, ни от человеческого». Тем не менее, если аксиоматическая система не противоречива, полна и соответствует критерию разрешимости, то она имеет статус объективной истины, и это создает определённую философскую и уже эпистемологическую проблему.

Наконец, я хочу обратиться к такой науке, как история. Она, несомненно, является разновидностью социального познания, так как сам ее объект есть человеческое общество и отдельные его проявления, возникающие в нем ситуации и различные социальные процессы и факты, сменяющие друг друга на протяжении всего известного нам исторического времени. Здесь, кстати, проявляется одна примечательная особенность. Для того чтобы та или иная гипотеза в физике обрела статус объективного закона, должна быть проведена процедура верификации, т.е. должны быть поставлены эксперименты, которые могут неограниченное количество раз воспроизводиться, повторяться. Точно так же должны быть принципиально повторимы и эмпирически воспроизводимы эксперименты и наблюдения, необходимые для реализации методологической процедуры фальсифицируемости научных знаний, входящих в ткань теории гипотез соответствующих научных дисциплин. Но в исторической науке точное воспроизведение той или иной исторической ситуации, исторического эксперимента совершенно неосуществимо.

Историк в большинстве случаев имеет дело не с самой исторической реальностью, а с письменными источниками или памятниками материальной культуры. Здесь мы сталкиваемся с реальной эпистемологической дилеммой. Исторические события произошли в самой социальной реальности. Они есть результат деятельности индивидов, или более или менее значительных коллективов, исторических сообществ. Исторические события несут на себе печать субъективности. Вместе с тем эти события и явления уже произошли, их нельзя изменить, и в этом смысле они объективны и уже не зависят ни от человека, ни от человечества.

Соотношение субъективности и объективности выступает как реальная эпистемологическая проблема, и я думаю, что исследование этих характеристик познания должно стать одной из важнейших задач современной теории познания.

Источники и переводы (Primary Sources in Russian and Russian Translations)

- Гегель 2007 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. Наука об опыте сознания. М., 2007 [Hegel, Georg Wilhelm Friedrich, *Phänomenologie des Geistes* (Russian Translation)].
- Гуссерль 2000 – *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000 [Husserl, Edmund, *Philosophie als strenge Wissenschaft* (Russian Translation)].

Ссылки (References in Russian)

- Лешкевич 2011 – *Лешкевич Т. Г.* Философия и теория познания: Учеб. Пособие. М.: ИНФРА-М, 2011.
- Шиповалова 2015 – *Шиповалова Л.В.* Эффективность науки как философская проблема // Журнал Петербургского философского общества. 2015. № 19. С. 7–18.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 9. P. 20–26

In Defense of Subjectivism (Social Reality, Social Activity, Social Epistemology)

Anatoly I. Rakitov

It is considered that objectivity is the basic criterion of science. But this is not utmost evident. Subjectivity is often identified with subjectivism. Indeed, its extreme form named solipsism can not be accepted. But it is also evident that in all forms of social reality, social activity, social epistemology we can see elements of subjectivity. So we can observe the phenomenon of poly-structural system. For instance the society is the example of such system, because in society are presented different forms of knowledge, such is everyday knowledge, professional, scientific, philosophical knowledge. In all of these forms of knowledge elements of subjectivity are presented. We can consider science in two aspects: science as a system of completed knowledge, and science as a system of research activity. In the latter we can observe elements of subjectivity not only in the social, humanitarian but also in natural science. That is why the research of subjectivity does not signify the rejection of objectivity but appear an important problem of epistemology and philosophy of science.

KEY WORDS: objectivity, objectivity of Knowledge and science, subjectivity, types of Knowledge, subjectivity in social realm and social activity, polystructural systems, subjectivity in natural science and historical, subjectivity as a problem of epistemology.

RAKITOV Anatoly I. – DSc in Philosophy, Professor, Principal Staff Scientist, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

rakit1@yandex.ru

http://inion.ru/pers_about.html?id=224

https://ru.wikipedia.org/.../Раки́тов,_Анатолий_Ильич

Citation: Rakitov, Anatoly I. (2018) “In Defense of Subjectivism (Social Reality, Social Activity, Social Epistemology)”, *Voprosy Filosofii*. Vol. 9 (2018), pp. 20–26.

DOI: 10.31857/S004287440001350-0

References

- Leshkevich, Tatiana G. (2011) *Philosophy and theory of cognition*, Textbook, INFRA-M, Moscow (in Russian).
- Shipovalova, Lada V. (2015) “Effectiveness of Science as a Philosophical Problem”, *Journal of the St. Petersburg Philosophical Society*, No. 19, pp. 7–18 (in Russian).